

Военная реформа: от солдатской формы до солдатской песни

Военная реформа, как и реформирование в любой другой области, – явление многоплановое и многоуровневое. Как правило, она начинается с чисто внешних и, на непосвященный взгляд, малосущественных перемен: изменение названий подразделений, штатных должностей, объема выполняемых поручений, наконец, покроя форменной одежды и знаков отличия.

Например, знаменитые Петровские реформы, с которых начался отсчет истории регулярной русской армии и военно-морского флота, изменили внешний облик солдат и офицеров. На смену длиннополым кафтанам пришла короткая одежда по образцу шведской военной формы. И это была не прихоть царя-реформатора, но знак его желания провести глубинные и всесторонние перемены в армии, взяв за образец вооруженные силы северного соседа. Не считаясь с затратами и жертвами, реформа эта была проведена, и одним из очевидных результатов ее стала победа в Северной войне.

Но не менее, а может быть, и более важным ее результатом стали перемены, которые произошли в сознании непосредственных участников петровских баталей. Они почувствовали себя серьезной не только военной, но и политической силой. Так, в песне *«Солдаты готовятся штурмовать Орешек»* на вопрос «государя-царя» Петра I, «еще брать ли нам или нет Орех-город?», – вопреки советам генералов русские солдаты заявляют:

*Мы не будем от города отступать,
А будем мы его белой грудью брать*¹.

---

* **Владислав Александрович Липатов** – канд. филолог. наук, доцент кафедры фольклора и древних литератур Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

¹ Русская историческая песня. Л., 1987. С.195. Библиотека поэта. Бол. серия. Изд. 3-е.

Сложившийся в условиях Северной войны (1700 – 1721) сюжет солдатской военно-исторической песни окажется удивительно продуктивным и в дальнейшем вырастет в устойчивую песенную конструкцию «*Ночи темны, тучи грозны по поднебесью идут...*», где при сохранении не только сюжетной песенной ситуации, но, зачастую, и текста будут ради актуализации произведения меняться лишь названия военных операций и участвующих в ней воинских подразделений:

*Ночи темны, тучи грозны по поднебесью идут;
Наши храбры гренадеры со ученьца идут.
Они идут, маршируют, меж собою говорят:
«Эх, не трудно нам, ребята, нам Варшаву-город взять!»*

*И не будет нам труднее нам под пушки подбежать!»
Мы под пушки подбежали, закричали все: ура!...*

Так будут петь в русской армии, вспоминая о подавлении польского восстания 1830 – 1831 гг. Заканчивается песня словами о собственной непобедимости и мессианской роли России:

*За морями знают нас.
Хоть и лихи вы, поляки, покоритесь вы нам!
Если нам не покоритесь, пропадете как трава!
Наша матушка Россия всему свету голова!²*

*...Эх, не трудно нам, ребята, нам и Плевну-город взять,
И не будет нам труднее всю Османа силу раскатать!
Мы тут дружно налетели, закричавши все «ура!»...³*

-- будут петь участники штурма Плевны в Русско-турецкую войну 1877 – 1878 гг.

*...Трудно, трудно нам, ребята, нам с белюгой воевать,
А еще того труднее нам под пушки подбежать.
Мы под пушки подбежали, закричали все «ура!»
Распроклятые белюги разбежались кто куда.⁴*

² 1000 песен. М., 1898. С. 108 – 109.

³ Новый военный песенник. М., 1878. С. 20 – 21.

⁴ Красноармейский фольклор. М., 1938. С. 133.

- переделали на свой лад старинную солдатскую песню участники Гражданской войны.

Таким образом, приведя в движение самые глубинные слои народного самосознания, Петровские реформы, сами того не ожидая, произвели коренные перемены и в народном песенном творчестве: здесь появился мощный пласт солдатской песни со своими жанрами, своей поэтикой, а в недалеком будущем – и со своими традициями.

Краткую, но точную характеристику дал солдатским песням В.Г.Белинский. По форме своей солдатские песни «ничем не отличаются от других русских песен, – писал критик, – но содержание их оригинально по русско-простонародному пониманию европейских вещей и по смеси чисто русских выражений с терминами и словами из сферы регулярно-военного их быта»⁵.

Действительно, помимо народной лирики на солдатскую песню безусловное влияние оказали и традиции русской исторической песни, и народная баллада. От последней, например, солдатский песенный фольклор перенял продуктивный сюжет «гибель молодца на чужбине», который в различных песенных инвариантах будет представлен в солдатском песенном репертуаре вплоть до «афганского».

После смерти Петра I перемены в русской армии XVIII – первой половины XIX в. носили, скорее, поверхностный характер, до глубинных пластов народного самосознания не добрались и на солдатский фольклор качественного влияния не оказали. Тем не менее, и эти перемены не были лишены знаковости.

Так, активно заявивший о себе при дворе императора Петра III (1761 – 1762 гг.) культ Фридриха Великого привел к тому, что достаточно удобная, приспособленная к боям и походам военная форма была заменена на чрезвычайно тесные мундиры. Они очерчивали крепкую мужскую фигуру, делали солдат молодцеватыми, но, безусловно, стесняли свободу движений. Кроме того, напудренные букли и коса, а также обязательные усы требовали тщательного ухода, который занимал все свободное от службы время.

---

⁵ *Белинский В.Г.* Статьи о народной поэзии: Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 437.

Эта, ориентированная скорее на мирный строевой смотр, чем на военный поход, форма одежды была изменена по настоянию кн.Г.А.Потемкина (1739 – 1791 гг.). «Завиваться, пудриться, плесть косы – солдатское ли это дело? – возмущался полководец. – Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов»⁶.

Однако прусская мода в солдатской униформе вновь заявит о себе в кратковременное царствование императора Павла I (1796 – 1801). Опять косы, опять пудра, чулки с подвязками; причем строгости в форме одежды таковы, что за нарушение ее могли сослать в Сибирь. И опять, как в случаях с Петром I или с Петром III, мундир обозначил внешнеполитические симпатии реформаторов. Не случайно А.В.Суворов по поводу формы вверенных ему императором войск язвительно заметил: «Коса не шпага, пудра не порох, а мы не пруссаки, а руссаки».

Вполне удобную форму одежды русские войска впервые получили только в царствование Александра II. Проведенные в годы его правления реформы коснулись не только отмены крепостного права, но судопроизводства, местного самоуправления. А в 1874 г. начались реформы и в армии, где наряду с такими серьезными переменами, как замена рекрутчины всеобщей воинской повинностью, а почти пожизненной солдатчины разумными сроками срочной воинской службы, перемены коснулись и формы одежды. Всем были даны просторные шинели с отложным закрывавшим уши воротником, введены в обращение башлыки, немало послужившие солдатам в холодное время года. Узкие, подчеркивавшие форму ноги, но стеснявшие движение форменные брюки были заменены просторными шароварами, которые солдатам предписывалось заправлять в сапоги.

При Александре III работа по совершенствованию военной формы с точки зрения практицизма продолжилась. В основу нового обмундирования были положены единообразие с учетом национальных традиций, дешевизна, удобство носки и пригонки. Правда, достигнуто это было в ущерб красоте. Впервые было обращено внимание на то, что блестящая фурнитура на обмундировании является хорошей мишенью для неприятеля.

---

⁶ Русская военная сила / Под ред. А.Н.Петрова. М., 1897. Т. 2. С. 169.

Масштабные реформы, начатые Александром II, как когда-то Петровские преобразования, дошли до самых глубин коллективного бессознательного, вызвав неожиданные последствия, в том числе в сфере народного творчества. Отмена крепостного права и связанное с этим расширение миграционных возможностей населения, с одной стороны, а также сокращение срока службы и изменение социального состава военнослужащих, – с другой, кардинально изменили условия бытования традиционного фольклора, как крестьянского, так и армейского. В результате сложные для запоминания и исполнения произведения народного песнетворчества, использовавшие тоническую систему стихосложения, стали все активнее тесниться «книжной» силлабо-тоникой, созданной во многом благодаря интеллектуальным усилиям двух поэтов-реформаторов – В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова. Так на смену традиционной песне пришла песня «новая», тесно связанная с особенностями книжной поэзии.

Вместе с «новой» песней увеличились шансы тех, кто хотел если и не лишить фольклор его основополагающего признака *неподцензурности*, то попытаться активнее влиять на формирование народного песенного репертуара, внедряя туда отмеченные тенденциозностью произведения.

Первые опыты такого рода впервые встречаются в «Солдатском песеннике» 1791 года. Так, в песне *«Мимо города, мимо Питера...»* солдаты отправляются «в дальний поход, во Туречшину...»,

*И тем сделать славу Отечеству,
И принять благодарность от монархини⁷.*

Несмотря на кажущееся сходство с ритмикой традиционной народной песни, чрезмерный промонархический пафос, некоторая не свойственная фольклору вычурность языка и отсутствие вариантов заставляют усомниться в подлинной фольклорности этого произведения.

Тем не менее, использовать народную песенную культуру в своих целях пытались не только официальные круги. Известно, например, что в пропагандистских целях «солдатские» песни со-

---

⁷ Солдатский песенник, М., 1791. С. 12.

чиняли и декабристы, и А.Герцен в своей «Вольной типографии» издал небольшой, всего в 24 страницы, сборник «Солдатских песен»⁸. Хотя происхождение большинства включенных в этот сборник песен искусственное⁹, составитель писал: «Мы уверены, что эти песни поются в очень многих полках». И действительно, в отношении, по крайней мере, произведения «*Братья! Дружно песню грянем удалую – в добрый час!..*», призывающего солдат не участвовать в подавлении польского восстания 1863 – 1864 гг., можно с уверенностью сказать, что оно нашло отклик в народе. В 1935 г. в Иркутской области фольклористами была записана песня:

*Дружно, братцы, песню грянем
Удалую -- в добрый час.
Мужиков мы бить не станем,
Не враги они для нас!*¹⁰

Таким образом, заметно сократив первоначальный текст, заменив «поляков» на «мужиков», исполнители превратили герценовскую «агитку» в подлинное произведение солдатского песнетворчества.

Если в профессиональной русской армии главными хранителями неписанной военной истории народа нередко выступали старослужащие, то с военной реформой 1860 – 1870-х гг. значительная нагрузка в воспитании новобранцев легла на песню. Где-то в эти годы родились слова знаменитой солдатской строевой песни:

*– Солдатушки! Бравы ребятушки,
Где же ваши деды?
– Наши деды – славные победы,
Вот где наши деды...*¹¹

---

⁸ Солдатские песни. Лондон: Вольная типография, 1862.

⁹ В комментарии к сборнику содержится неопределенное утверждение, что эти песни составлены «кем-то из русских офицеров», невольных свидетелей мученичества солдат.

¹⁰ Фольклор Восточной Сибири / Сост. А.Гуревич. Иркутск, 1938. С. 10.

¹¹ Солдатушки! Браво, ребятушки!! Новые солдатские песни. М., 1878.

Приток в армию в связи с военной реформой 1905 – 1912 гг. носителей городской песенной культуры существенно изменил не только поэтику солдатской песни, но и ее содержание. В произведениях стал появляться глухой мотив политического протеста. Так, в песне Первой мировой войны, в основе которой лежит традиционный сюжет «гибель молодца на чужбине», умирающий далеко от родины солдат просит товарища передать близким:

*Скажи им: отец на далеких Карпатах
Засеял немало земли, –
И севом богатым в карпатскую землю
Солдатские кости легли...*

*И если он сам не собрал урожая,
Скажи им, – пусть знают и ждуют,
Что мертвые кости с далекого края
Еще за ответом придут¹².*

«Окаянные дни» Октябрьской революции и Гражданской войны ни в коем случае нельзя толковать односторонне. Да, были кровь и горе, да, брат шел на брата, о чем честно рассказано в народных песнях¹³. Было непонимание и даже неприятие происходящего¹⁴. Но была и надежда. Надежда на совершенно новую для боль-

¹² *Войталовский Л.* По следам войны. Л., 1934. С. 283.

¹³ Например, в послереволюционные годы популярностью пользовалась баллада «Во деревушке, в убогой избушке / Жили мирно два сына с отцом...», на примере семьи воссоздающая трагическую коллизию гражданской войны (Русский советский фольклор. Антология. Л., 1967. № 19).

¹⁴ Из рассказов отца и иных источников я знаю, что одни и те же песни с незначительными изменениями могли петь и «белые», и «красные». Так, например, в тексте «красных» были такие слова:

*Все пушки, пушки грохотали,
Трепал наш пулемет,
А «белые» отступали,
А «красные» шли вперед.*

Занимали город белые и пели то же самое, но только теперь отступали «красные», а вперед шли «белые».

шинства, не похожую ни на довоенную, ни, тем более, дореволюционную жизнь. И ради этой, еще неизвестной им, жизни люди в шинелях готовы были идти на смерть:

*Слушай, рабочий, война началась
Бросай свое дело, в поход собирайся.
Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это!*

Говорят, когда В.И.Ленин услышал слова этой песни в исполнении кремлевских курсантов, его возмутили слова припева: «Как это умирать, да еще всем!.. Кто же тогда республику будет оберегать и строить?» Курсанты обещали изменить слова и впредь петь: «И всех врагов побьем в борьбе за это!» Однако в народный репертуар вошел первоначальный вариант, лучше отражающий одну из важных особенностей нашей ментальности — готовность к самопожертвованию.

На примере этой песни очень хорошо видно, что даже такие радикальные перемены в жизни огромной страны и ее армии, какой обещала стать Октябрьская революция, не могли возводиться на голое место. И так же, как важная примета красноармейца в 1919 – 1941 гг., легендарная «буденновка», была сконструирована русскими художниками-дизайнерами еще до революции, так и в анализируемой песне мелодической основой стал популярный в дооктябрьские годы романс А.Зорина «Белой акации гроздь душистые...», а основой текста — солдатская песня времен Первой мировой:

*Слушайте, деды, война началась,
Бросай свое дело, в поход собирайся.
Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И, как один, прольем,
Кровь молодую...¹⁵*

---

¹⁵ Вариант песни с начальной строкой «Ну-ка, ребята, в поход собирайся!..» опубликован в сб.: Песни нашей армии. 18 песен, записанных в армии в период 1914–1915 гг. С.П.Орловым и Ф.Н.Щегловым. М., [1915].

Инициатива снизу, в том числе и в области народного песнетворчества, в первые годы советской власти активно поддерживалась. «Творчество окопных солдат когда-нибудь будет собрано, и им надо дорожить, это народная поэзия», – писал «Голос солдата». «Красная газета», орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, рядом с воззванием СНК «Социалистическое отечество в опасности!», статьей «К оружию!» и призывом «Все в ряды Красной Армии!» поместила «Правила для товарищей поэтов». Там, в частности, говорилось, что «ни одно присланное в редакцию стихотворение не останется без просмотра и ни одно сопровождающее стихи письмо не останется без ответа». Газета «Красное знамя», орган Реввоенсовета 14-й армии, также обратилась к красноармейцам с призывом присылать свои произведения для страницы «Пролетарское искусство», а еще включиться в работу литературной студии¹⁶.

Призыв был услышан, и красноармейская поэзия 1920-х гг. дала нашей культуре известных впоследствии поэтов: В. Лебедева-Кумача, М. Светлова, А. Суркова и др. Такие замечательные произведения, как «По долинам и по взгорьям...» (первоначальный текст Петра Парфенова, мелодия Ильи Атурова в обработке А. Александрова), «Гулял по Уралу Чапаев-герой...» Марии Поповой и Феликса Даниловича и, конечно, «Там, вдали за рекой...» Николая Кооля, также появились на гребне народной творческой инициативы.

Однако в 1928 г. в журнале «Военный вестник» была опубликована подборка песен, рекомендованных для красноармейцев, а в 1936 г. окончательно откорректированный официальный армейский репертуар был издан отдельно¹⁷. Произведения, рожденные народной творческой инициативой, были представлены там единичными экземплярами. В самостоятельном солдатском песнетворчестве наступил длительный перерыв.

Он был прерван трагическими событиями июня 1941 г., когда на вероломное нападение фашистской Германии страна откликнулась не только мощным патриотическим, но и творческим подъе-

¹⁶ Голос солдата, 1918, 4 января; Красная газета, 1918, 22 февраля; Красное знамя, 1920, 12 июля.

¹⁷ Песни Красной армии. М., 1936. 219 с. с нот. (Полит. Упр. Рабочекрест. Красной армии).

мом. В первые дни войны родились и «Священная война» В.И.Левбедева-Кумача и А.В.Александрова и завоевавшая не меньшую популярность в народе перетекстовка «Синего платочка» (музыка Е.Петербургского) песни «22 июня, ровно в четыре часа...»¹⁸

О приливе творческой энергии солдаты говорили не стесняясь. «Я не поэт, — писал в «Красную звезду» красноармеец Тимофеев, — но обстановка и все течение жизни в бою, все мое настроение становится таким, что сами мысли складываются в рифму. Охота петь и бить врага, охота петь про победу, про смельчаков, крушащих неприятеля, охота петь о погибших товарищах-героях»¹⁹.

Профессиональное и самодеятельное искусство в годы войны не только тесно сотрудничали, но и взаимно дополняли друг друга, создавая в совокупности объемную и правдивую картину событий. Так, самодеятельная солдатская песня наряду с героическими темами, которые разрабатывали и профессиональные авторы, обращалась к острым проблемам, на которые в официальном песнетворчестве был наложен цензурный запрет: наши военные неудачи, жизнь в плену и на оккупированной территории, смерть любимых, а также презрение к тем, кто предал любовь солдата.

Общий патриотический подъем сказался и на знаковой системе армии. С 1943 г. в Вооруженных силах СССР были вновь введены погоны, упраздненные революционной властью, стали учреждаться ордена в честь великих русских полководцев и флотоводцев прошлого.

Из послевоенных событий, оказавших неожиданное влияние на песнетворчество, назову организацию в 1963 г. мотострелковых войск. Став мобильной, мотопехота перестала нуждаться в организующей движение маршевой песне, и этот жанр солдатского песнетворчества вступил в полосу затяжного кризиса.

Появившись вместе с регулярной армией, он выполнял не только утилитарную и эстетическую, но и важную опознавательную функцию. По песне можно было определить, что за часть прибли-

---

¹⁸ Уже 29 июня 1941 г. в записной книжке фронтовика Н.И.Немчинова, защищавшего Украину, а спустя всего месяц эту же песню записывают уже в Ивановской области. Прошагав с бойцами всю войну, переделка «Синенького платочка» откликнулась и на победу:

Утром девятого мая // Нам не забыть никогда:

Немцев разбили, // Нам объявили — // Кончилась с ними война.

¹⁹ Красная звезда. 1941. 5 сент.

жается, кто ее командир, какие задачи выполняют военнослужащие. Современные условия ведения боевых действий, где успех часто определяется быстротой и скрытностью передвижения, изменили саму жанровую природу солдатского марша, фактически превратив его в гимн.

Заметно шире в послевоенное время представлен в солдатском репертуре традиционный жанр застольной офицерской песни, с присущими ей многообразными функциями.

Военная реформа последнего десятилетия пока не повлияла заметно на духовную жизнь армии. Жанровая структура солдатской песни заметных изменений не претерпела. Что до военной формы, то камуфляжный костюм и кепи, которые пришли на смену гимнастерке, галифе и пилотке, кажется, до сих пор называют «афганскими», в память о последней войне Советского Союза.